

**«Дураки на периферии»:
шаг к созданию
абсурдного театра «СССР»**
The Idiots on the Margins:
a Step in Creation of the
Soviet Theatre of the Absurd

✉ МАРИЯ КУВЕКАЛОВИЧ ▸ marija.kuvekalovic6@yahoo.com

SLAVICA TERGESTINA
European Slavic Studies Journal

ISSN 1592-0291 (print) & 2283-5482 (online)

VOLUME 25 (2020/II), pp. 148-166
DOI 10.13137/2283-5482/33392

В статье рассматривается влияние советской власти на формирование нового человека, а также попытка контроля рождения коллективного ребенка в условиях постреволюционной жизни путем введения многочисленных различных декретов, постановлений и указов власти, которые впоследствии привели к уничтожению всех моральных ценностей и дезорганизации мира. Характерное для Платонова превращение утопии в свою противоположность достигает своего пика в пьесе «Дураки на периферии» на примере синестезии членов Комиссии ОММ и их бездушного отношения к новому человеку. Пытаясь осветить проблему неправильного понимания идеи коммунизма, А. Платонов еще раз показывает к чему пришло советское общество 1920-х гг. и в какой степени советская власть изменила сознание дореволюционных людей, особо в сфере семейных отношений.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА,
ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА,
ДЕКРЕТЫ И УКАЗЫ ВЛАСТИ
1920-Х ГОДОВ, ИЗМЕНЕНИЕ СОЗНАНИЯ
ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЮДЕЙ

In this paper we will tackle the influence of Soviet authorities on the forming of a new man, as well as the attempt to control the birth of a collective child in postrevolutionary conditions, in accordance with a series of decrees, proclamations, and government orders, which would result in the complete destruction of all moral values and disorganization of the world. The characteristic Platonic transformation of a utopia into its opposite reaches a crescendo in the drama “Дураки на периферии” based on the topic of spiritual breakdown of the OMM Commission and their cold relationship towards the new man. Trying to shine a light on the problem of incorrect interpretation of the idea of communism, Andrei Platonov once again shows what the Russian society of the beginning of 1920s led up to and how much the Soviet authorities changed the minds of pre-revolution people, especially in terms of family relationships.

BIRTH OF A NEW MAN, RAISING A CHILD,
DECREES AND ORDERS FROM THE
BEGINNING OF THE 1920S, CHANGING
MINDS OF PREREVOLUTIONARY PEOPLE

Комедия «Дураки на периферии», написанная в 1928-м году, представляет собой интересную загадку в литературном наследии А. Платонова, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что эта сатирическая драма впервые была напечатана лишь в 2006 году в сборнике «Ноев ковчег». Хотя сегодняшнее научное внимание прежде всего обращено к раскрытию вопроса авторства, т. е. к вопросу совместного авторства Б.А. Пильняка и А.П. Платонова, несомненно более важным вопросом пьесы является проблема тотального вмешательства советской власти во все сферы человеческой жизни, в том числе и участие в рождении нового человека. Платонов, на тот момент уже два года живущий в Москве, окончательно разочаровывается в проекте создания нового мира, как и создания нового человека будущего, называя 1928 год годом своей смерти. Свое отрицательное отношение к советской власти писатель показал на примере комиссии ОХМАТМЛАДА («Охрана матерей и младенцев»), которая выступает в роли «общего отца» или «всевидящего ока», одновременно создав особую «комедийную трагедию» о смерти одной утопической идеи. Катастрофическое состояние общества и абсурд новой эпохи в год, предшествующий году великого перелома, нашло свое отражение и в русской провинции, которая напоминает народный театр, где действующие лица — послереволюционные люди, желающие во что бы то ни стало служить большому советскому проекту. «Именно революция реанимировала такое явление народного театра, как массовые театрализованные зрелища, разыгрываемые на площадях» (Глазачева 2013: 292). В этой «балаганской обстановке» Платонов рисует печальную картину состояния духа общества в лице комиссии Охматмлада, решающей судьбу новых поколений в духе кампании борьбы за новую семью.

Впервые в истории платоновских произведений писатель весьма насмешливо, следуя программе создания нового быта и коммунистического уклада жизни, затрагивает проблему коллективного воспитания детей и права на аборт, а тем самым на жизнь, которое зависит от решения членов государственной комиссии. Уже в первые послереволюционные годы новое государство приняло ряд декретов и постановлений, касающихся вопросов деторождения, воспитания будущих поколений и организации семейной жизни при Отделе охраны материнства и младенчества, который был основан Народным Комиссариатом Социального Обеспечения в 1917 году. Все декреты, как ни странно, создавались в соответствии с работой Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» о производстве нового человека как предусловие для создания утопического общества, а также законом народонаселения К. Маркса: «Согласно материалистическому пониманию истории, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно бывает двоякого рода: с одной стороны, производство средств существования, предметов питания, жилища и необходимых для этого орудий; с другой, производство самого человека, продолжение вида» (Бравая 1929: 9). О значимости создания комиссии ОММ в Советской России и контроля условий воспитания будущих граждан, свидетельствует ряд принципов, указанных в письме из 1918-го года, адресованного всем Совдепам Советской республики: 1. воспитание матери-гражданки — долг государства; 2. дети, как будущие граждане, с первых же дней жизни являются предметом забот пролетарского государства и должны воспитываться в обстановке, дающей широкую возможность для всестороннего развития

их физических и духовных сил; 3. деторождение — социальная функция женщины и обязанность государства поставить мать-труженицу в условия, облегчающие ей выполнение этой функции и т. п. Нет никаких сомнений, что Платонов был хорошо знаком со всеми постановлениями и декретами о браке и воспитании пролетарских граждан, принятых незадолго до появления пьесы, поскольку «Дураки» так или иначе не раз ссылаются на декрет СНК о расторжении брака, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и ведении актов состояния и многие другие. Н. Корниенко в комментариях к пьесе «Дураки на периферии» указывает на тот факт, что весь процесс воспитания связывался с задачей быстро догнать западноевропейские страны в деле просвещения масс: «В противоположность “крестьянским предрассудкам” воспитания детей, “коммунистический ребенок” (А. Коллонтай, “Любовь пчел трудовых”) должен был воспитываться коллективом, в “опытных” домах, на “новых” сказках и “пролетарских” колыбельных и сам становится воспитателем своих консервативных, “отсталых” родителей. Следствием утверждения в обществе революционной сексуальности и новых заповедей семейной жизни стали рост заболеваний венерическими болезнями, колоссальные масштабы детской беспризорности и преступности; сотни тысяч детей не знали, кто их отцы» (Корниенко 2011: 688). Именно желание оформить «армию» новых коммунистических детей, привело, особенно в провинциальных городах, к уничтожению семьи, а также к восприятию родителей как фабрики по производству будущих жителей «Великой страны». Платонову, учитывающему все кодексы, декреты и постановления, а также желание советской власти обрести роль «главы семьи», удалось

показать в какой степени это привело к деградации русской семьи и уничтожило представление о светлом будущем.

Политика государства в сфере семейных отношений в период больших перемен показана Платоновым на примере уездной мещанской семьи Башмаковых, в которой глава семьи Иван Павлович хочет «не родить», поскольку он уже выполнил с превышением немецкую «цвай-киндер систему» и, таким образом, он перед нацией оправдан «как родитель и как трудящийся элемент»: «В свое время, а именно до революции, я родил троих детей и разошелся впоследствии, после революции, по кодексу со своей старой женой» (Платонов 2011: 9)¹. Подчеркивая период жизни «до» и «после» революции, Платонов указывает на мещанскую ментальность Башмакова (русского человека на периферии), считавшего революцию неким «социальным делом», которое сопровождают кодексы и декреты, противные, по мнению еще одного героя пьесы Глеба Ивановича, «естеству» и «мировидению». Хотя вся государственная политика того времени была прежде всего ориентирована на организацию будущего, Иван Павлович, как настоящий провинциальный человек, живет прошлым и настоящим, считая, что у него нет никакого будущего. Он, по мнению Платонова, не вписывается ни в социальные условия новой эпохи, ни в новый постреволюционный уклад жизни, постепенно становясь отсталым человеком, непонимающим масштаб миссии пролетариата: «С изменением образа жизни героев пьесы, населяющих город Переучетск, изменяется их сознание: понимание мира и человека становится алогичным, как и мир» (Садовников 2011: 86). Эта алогичность обнаруживается через диалог Комиссии Охматмлада и Ивана Павловича, благодаря которому вся абсурдная обстановка в семье Башмаковых напоминает театр, где актеры

1
Здесь и дальше
цит. по Плато-
нов 2011: 11–56.

играют не свои роли. Так, например, председатель Комиссии Охматмлада Евтюшкин в роли общего отца и главы семьи, произносит следующие слова: «Я принципиально стою на почве зрения, что родить надо неминуемо для пользы народонаселения. Раз мы охматмлад, то на то нас и поставили, чтобы фактически охранять судьбу поколений и тем показывать пример несознательным гражданам и организовать будущее. Граждане нужны не только теперь, но надо заботиться также заготовкой граждан впрок» (22). Таким образом, решение «родить» принадлежит не отдельному человеку (хотя согласно постановлению Наркомата здравоохранения и Наркомата юстиции Советской России о разрешении искусственного прерывания беременности в медицинских учреждениях 1920-го года предусматривалось право женщин самим контролировать деторождение), а представителям власти, которые не обращают никакого внимания на мнение и желание биологических родителей. Добавим к сказанному, что в начале 1920-х годов вопрос «кто отец?» не имел никакого значения, поскольку рождение ребенка, будущего коллективиста, являлось государственным делом, в котором родители «общего ребенка» лишь выполняют свой социальный долг. Это обыгрывается и в «Дураках на периферии», так как вопрос отца нового ребенка является второстепенным: биологическим отцом ребенка Башмаковой может быть один из как минимум троих (Глеб Иванович, Иван Павлович или Василий Степанович). Помимо этого, в данном сюжете Платонов ведет диалог и с проблемой коллективной жизни, которая, вместо жизни «с каждым» и «для каждого», привела к промискуитету и свободной любви как между Башмаковой и Глебом Ивановичем, так и между членами ОММ: «Времена теперь такие пошли, весь город живет сплошь как одно семейство, и все родственники

беззависимо от пола и должности» (40). Несомненно, на примере Башмаковой и ее многочисленных любовников Платонов пытается еще раз показать результат ошибочного понимания идеи коммунизма, а также неправильных способов ее реализации. Как утверждает исследователь Роберт Ходел, «именно на фоне всех этих социальных явлений и велись тогда дискуссии о семьях-коммунах, тройственном и гомосексуальном союзах, фактическом браке или бесплатном аборте» (Ходел 2009:11).

Однако «подтверждением того, что абсурдная деятельность комиссии ОММ, члены которой осматривают частную квартиру, чтобы принять решение об аборте, не фикция, могут служить, например, цитаты из доклада заведующей отделом ОММ Народного комиссариата социального обеспечения В. Лебедевой на Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества в 1925 г.: “Если мы поставили перед собой задачу — во что бы то ни стало удовлетворить всех желающих произвести аборт, не принимая во внимание социальных признаков, каковыми мы считаем — материальную необеспеченность и многодетность, то мы встанем на путь, который не даст практических результатов в смысле удовлетворения”» (Ходел 2009: 12). Герои пьесы неоднократно ссылаются на данный доклад, а члены ОММ принимают решение согласно его принципам: «Комиссия, ознакомившись на месте посредством внезапного и фактического обследования... Комиссия увидела и нашла... Материальное положение удовлетворительно, что подтверждается наличием сбережений и свидетельским показанием делопроизводителя уездной милиции гр. Рудина Г.И» (23). На Всесоюзном съезде по охране материнства и младенчества в 1925 году был поднят вопрос и о беспризорных детях и способах решения данной проблемы, и это Иван Павлович использует в качестве

главного аргумента против рождения ребенка М. Башмаковой: «Товарищ председатель, убедительно прошу, не заставляйте родить. Лучше я куда-нибудь пожертвую. Родить я никак не могу. Я не хочу увеличивать основные кадры беспризорников» (21). Теме беспризорности детей следует уделить особое внимание, поскольку в 1920-е годы она была одной из ведущих: «Причины беспризорности широко обсуждались как одна из основных проблем с диаметрально противоположных точек зрения. На начальном этапе советских работ по данной проблематике основополагающей являлась теория моральной дефективности, которая, впрочем, вскоре была подвергнута резкой критике, и причины проблемы начали видеть в социальных потрясениях, произошедших в стране — мировой и гражданской войной, массовый голод и эпидемиями» (Потемина 2019: 13). Видимо, Платонов иронически, через реплики Ивана Павловича отвечает на новые требования власти к системе коллективного воспитания будущих детей, которая только ведет к катастрофе и абсурду, обрекая детей на смерть. Поэтому не удивляет тот факт, что пьеса «Дураки на периферии» заканчивается в платоновском духе, смертью этого коллективного ребенка, о котором шла речь на протяжении всего сюжета.

По Платонову, государство в вопросах детского воспитания стремилось сделать то же самое, что и в культурной и художественной жизни, не придавая особого значения человеческому материалу. Об этом говорит и человек будущего Глеб Иванович: «Вот в газетах пишут, Иван Павлович, — радио в массы, чудеса науки и техники в массы, прочие отношения — тоже в массы. Только успевай ловить. Я, конечно, понимаю, что ваш принцип мучает с абортom, но, думаю, надо подойти к вопросу индивидуально, без массового масштаба. Швырнуть ребенка в массы нельзя,

он в воздухе растворится, как падучая звезда» (16). Смерть ребенка не только символизирует крах одной идеи, она указывает на абсурд эпохи, в которой рождаются не дети, а ненужные декреты, постановления и указы. Неслучайно Глеб Иванович, говоря о неестественном отношении к рождению ребенка, напоминает, что человек не сумма, а личность. Это отношение новой власти к человеку подтверждают слова Ащеулова, приведенные в конце пьесы, одновременно провозглашающие начало духовного декаданса в обществе: «Гражданин рационализатор, — отметить в протоколе смерть ребенка для формы дела или так оставить?» Следовательно, становится понятным, что в картине нового мира содержание жизни заменяется ее формой, человек превращается в винтик в механизме выполнения замыслов власти. Обсуждая главные темы платоновской пьесы, Р. Ходел в тексте «Дураки на периферии — необычный Платонов», утверждает, что «вся эта тематика находится в тесной связи с публикациями и дискуссиями двадцатых годов, в которых действительно участвовала А. Коллонтай, а также такие фигуры, как А. Залкинд, Д. Рязанов, А. Луначарский и Л. Троцкий» (Ходел 2009: 11) и с которыми, как видимо, Платонов был тесно знаком.

С другой стороны, власть в лице Комиссии ОММ показана как дезорганизованная группа безумных людей, неосознанно выполняющих свои функции. Это новое «хорошее стадо» живет в духе гоголевских героев, в страхе от невыполнения возложенных функций, которые им самим недостаточно понятны. Члены ОММ не раз повторяют о своей общественном назначении, чтобы не забыть смысл своего существования: «Прямо не живем, а состоим в музее... будущее на руках вынашиваем... Мне бы тоже надо поработать, только некуда применить основное умение. Приходится,

в зависимости от косвенных причин малолетства, ждать, когда вырастет» (44). Но эти представители комиссии ничем не отличаются от большинства и являются теми же самыми неосознанными гражданами, «не верующими ни в социалистическое будущее, ни в необходимость бюрократизации мира ради его рационализации. Наоборот, они злоупотребляют своим положением для удовлетворения частных и личных потребностей» (Ходел 2009: 11). Приведем здесь слова Глеба Ивановича, которые, как нам кажется, наиболее полно описывают отношение представителей власти к новому постреволюционному человеку: «И вот все пишут и пишут газеты: книги в массы, автомобили в массы ...так вот еще — культуру — тоже в массы...Прямо как кирпичи летят. Это им сверху так кажется, что внизу массы, а на самом деле эти массы и есть отдельные люди вроде меня, и даже любящие» (12). Абсурд заключается еще и в том, что, обсуждая право Башмаковой на аборт, члены ОММ одновременно являются потенциальными биологическими отцами будущего ребенка, что дополнительно усложняет весь сюжет. Роберт Ходел, сравнивая образ провинции в «Городе Градов», в котором «революция шла пешим шагом», и в «Дураках на периферии», пишет, что «коррупционность сближает их с заведующим административно-финансовым отделом земельного управления Бормотовым, который в секретаре видит архиерея, а в губкоме — епархию. А поскольку членам ОММ не противостоит в пьесе фигура, подобная Шмакову, их коррупционность оказывается лишенной альтернативы и потому безраздельной» (Ходел 2009:11). Согласно сказанному, становится понятным, что существование Комиссии ОММ Платонов полностью обесмысливает, считая провинциальное общество еще не готовым не только к социальной, но и к духовной революции. Также,

тот факт, что члены ОММ — большие судьи, — в пьесе одновременно являются и подсудимыми, служит еще одним доказательством как быстро идея утопии превращается в свою противоположность.

В процессе строительства постреволюционного мира особую роль играло формирование образа новой женщины, которая теперь не только мать, но и активный участник в борьбе за дело коммунизма. В «Дураках на периферии» А. Платонов особое внимание уделяет образу Марьи Башмаковой — единственному человеку, понимающему свое предназначение в новом обществе. В период, когда Платонов работал над пьесой, власть уже приняла многочисленные декреты, освобождающие женщин из «оков прошлого», главную идею А. Коллонтай о «крылатом Эросе» и «революции чувств и революции нравов», которые и нашли свое отражение в образе героини. Так, например, «политика государства в сфере семейных отношений в 1920-е годы по аналогии с первыми постреволюционными годами формировалась исходя из эмансипаторной риторики и социалистической идеологии, а также обуславливалась необходимостью привлечения женщин к активной производственной деятельности» (Потемина 2019: 16). Продолжался процесс интенсивного огосударствления сферы семейных отношений и создания соответственной новой политики. М. Башмакова, желая уйти от абсурдной обстановки, в которой ее дом превратился в суд, где обсуждается будущее ребенка, произносит следующие слова: «А я бы с моим удовольствием в милицию поступила. Я бы ваших рьяных сразу все в православную веру поставила бы. Сама бы ходила с револьвером, в сапогах и галифе. Пила бы за всех пьяниц сразу и любовников выбрала бы по своему усмотрению, которые нравятся... И ездила бы верхом, как начальник милиции», а далее добавляет — «желаю стать работницей

и равноправным членом профсоюза» (12). Равнодушное отношение героини к Комиссии ОММ, Платонов, наверное, оправдывает ее желанием возвыситься и покинуть отсталую дореволюционную среду, в которой «мужики женщинами стали». Автор не случайно затрагивает вопрос изменения положения женщин в середине 1920-х годов, поскольку «в данный период активизируется кампания по пропаганде новых идей и знаний в сфере материнства, в ее рамках распространяется информация о гигиене и уходе за детьми, осуществляется работа по формированию нового отношения к детям как к субъектам “всеобщей заботы” граждан коммунистического общества. Реализация указанной кампании осуществлялась в форме лекций, бесед, конференций и т.п. для советских женщин, в рамках которых до них доводились новые законодательно закрепленные и декларируемые нормы: право на труд наравне с мужчинами, право на социальное страхование от болезни, равную минимальную заработную плату, ежегодный оплачиваемый отпуск» (Потемина 2019: 18). С этими идеями Платонов мог ознакомиться в издаваемых в те годы журналах «Работница» и «Крестьянка», которые были весьма популярны, особенно в русской провинции. Помимо Башмаковой, в образ новой женщины вписывается и милиционерша, которая не отвлекается от государственной службы даже на грудное кормление. Она, как человек новой эпохи, будущий ударник, ставит общественное выше личного, что для 1930-х было весьма характерно. Роберт Ходел в тексте о «Дураках» справедливо замечает, что «особенно гротескным становится сочетание общественной и семейной жизни этой советской мадонны в следующей ремарке: “Милиционерша левой рукой держит ребенка, а правой — суду под козырек”» (35).

О том, как Платонов был хорошо знаком с новыми декретами о браке, в первую очередь с принятым в 1926 году Кодексом законов о браке, семье и опеке, согласно которому женщина могла свободно расторгнуть брак, обращаясь в загс, даже без присутствия супруга, свидетельствует пример женщин-членов Комиссии ОММ. Учитывая новый закон о браке, женщины сами разводятся и уходят от своих мужей, о чем узнаем из реплик Евтюшкиной и Лутьиной: «Да мы не желаем теперь о вас и рук марать. Вы для нас теперь одни граждане, а не мужья. Платите теперь нам алименты за свою и за нашу волю» (40). М. Антокольская в монографии «Семейное право» пишет, что «расторжение брака в суде было отменено совсем. Брак расторгался в органах загса, причем без вызова второго супруга, ему только сообщалось о “факте развода”, так как параллельное существование фактического и зарегистрированного брака ни к чему, кроме правовой неопределенности, путанице и подрыву принципа моногамии, привести не могло. В частности, возникла необходимость решить проблему “конкуренции” между фактическим и зарегистрированным браком. Нерешенным оставался также и вопрос о параллельном существовании нескольких фактических браков» (Антокольская 1996: 72). Добавим к этому и тот факт, что благодаря закону 1926-го года, развестись можно было даже без объяснения причин. Такая система не привела к прогрессу и улучшению положения женщин в новом обществе, а как раз наоборот — к уничтожению семьи и моральных ценностей. Конечно, если бы Платонов в своей пьесе ограничился лишь анализом законов и декретов о браке, то пьеса стала бы весьма тривиальной, и поэтому писатель использует иронию, чтобы насмешливо показать, как превратно трактуются и применяются новые законы в русских провинциальных городах.

Однако, помимо уже указанных, Платонов обнаружил в пьесе и проблему смешения мужских и женских ролей, на что намекают пионерские стихи в начале произведения: «По неизвестным никому причинам / Постановила нарком Коллонтай, / Чтобы рожали только мужчины, / Хочешь не хочешь, лопай, а рожай» (16). Основная проблематика пьесы как раз скрывается в том, что именно Иван Павлович находится в состоянии «не рожать». Платонов иронически, словами Башмакова, отвечает Комиссии ОММ: «Я не желаю родить. Я уже родил свою норму. А без Комиссии нельзя сделать аборта, на основании обязательного постановления», добавляя далее: «Это только так говорится, что женщины рожают. А теперь хотя в городе и равенство на женщин, а все расходы на мужчинах» (21). Таким образом получается, что Иван Павлович подает заявление на аборт, в то время как Марья Башмакова представляет собой немого актера в абсурдном театре СССР в доме Башмаковых: «А ты смотри в окно, слушай комиссию... Целое учреждение по одному делу придет, а бесплатно. Человек теперь дорог, особенно пока он рожаться хочет» (14). Словами Роберта Ходела, «это провозглашенное смешение роли мужчины и женщины находит свое практическое воплощение в коллективном воспитании ребенка, проводимом ОММ. О «достижениях» этой организации слышал даже пришедший издалека странник: «Сказывают, здесь мужики женщинами стали»» (47).

Следует отметить, что А. Платонов, кроме проблемы изменения условий жизни русской женщины и создания нового человека, задается вопросом рациональности такого человека, лишенного всех чувств и эмоций, что хорошо показано на примере бездушного отношения родителей к будущему ребенку, с целью создания особого организованного человека. Как пишет Валерий Гречко

в статье «Революция и пределы рационализации. Пьеса Сергея Третьякова “Хочу ребенка”», которая, кстати говоря, близко связана с платоновской тематикой, «в качестве одного из направлений, по которому должно было протекать формирование культуры нового человека, виделась рационализация всех сторон жизни и изгнание из нее нерациональных, обусловленным чувствами и эмоциями форм поведения» (Гречко 2019: 310). Однако, весь процесс рационализации нового человека в русской провинции, по Платонову, осуществлялся противоположно изначальной задумке: «элементарные законы нравственности и справедливости. Естественное право. Юридические нормы. Обычаи международной вежливости. Внеклассовая наука. Революция — один за другим — обнажила все эти приемы буржуазной идеологии. И этим их убила» (Левидов 1923: 131–132).

В заключение отметим, что все платоновские Дураки представляют собой результат абсурдных постановлений власти, которые вместо организации общества в целом, привели к деперсонализации личности и созданию безумного человека, потерянного между прошлым и будущим мирами и лишённого настоящего. Суд, показанный в пьесе и больше похожий на базар, является пространством, в котором преобладает мещанский дух, он не способен содействовать революции ни на культурном, ни на духовном уровне. Хотя смерть ребенка в платоновских произведениях есть устойчивый символ краха советской идеологии, в данном случае она служит индикатором гнилого и необразованного общества, которое, стремясь догнать западноевропейские страны, убило любую возможность для создания утопии. В известной статье «Воспитание коммунистов» Платонов пишет: «Новый хозяин земли — пролетариат еще не выровнял их сознания, не дал им своего

духа, сколько нужно; и часто такие люди бывают нам страшными бессознательными врагами. В дом труда и совести они входят с угрозой и насилием. Темные, несчастные и чужие всему». Вот и причина краха попытки создания сознательного человека будущего, желающего жить в духе федоровской философии. ❧

Литература

- АНТОКОЛЬСКАЯ, М., 1996: Семейное право. М.: Юристъ.
- БРАВАЯ, Р. М., 1929: Охрана материнства и младенчества на Западе и в СССР. Исторический очерк. М.: Государственное медицинское издательство.
- ГЛАЗАЧЕВА, З. Е., 2013: Театр как суд в пьесе А. П. Платонова «Дураки на периферии» // *Вестник ТвГУ. Серия Филология*. Вып. 2. С. 292–296.
- ГРЕЧКО, В., 2019: Революция и «пределы рационализации»: пьеса Сергея Третьякова «Хочу ребенка» // *Искусство и революция: сто лет спустя*. Белград: Издательство филологического факультета в Белграде. С. 301–318.
- КОРНИЕНКО, Н. В., 2011: *Комментарии. Дураки на периферии. Пьесы и сценарии*. М.: Время. С. 684–718.
- КОЧЕРИНА, С., 2011: Пьеса «Дураки на периферии» как опыт автоинсценировки // «*Страна философов*» Андрея Платонова. *Проблемы творчества*. Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН. С. 19–25.
- ЛЕВИДОВ, М., 1923: О футуризме необходимая статья. ЛЕФ. Но.2. С. 131–132.
- ПЛАТОНОВ, А., 2011: *Дураки на периферии. Пьесы и сценарии*. М.: Время.
- ПОТЕМИНА, Е. П., 2019: *Социальная политика советского государства в отношении материнства и детства в 1920–1930-х гг.* Работа на соискание степени бакалавра исторических наук. Пенза: Пензенский государственный университет.
- ХОДЕЛ, Р., 2011: «Дураки на периферии» — необычный Платонов // «*Страна философов*» Андрея Платонова. *Проблемы творчества*. Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН. С. 7–18.

Резиме

У овом раду разматран је утицај нове политике СССР у сфери породичних односа, васпитања новог човека и промена погледа на брак и традиционалне вредности, проузороковане појавом нове идеологије на почетку 1920-их година. У жељи да се створи нови организован човек-машина, у руској провинцији долази до потпуне деорганизације друштва, погрешне поделе улога у породици, као и неправилног тумачења свих закона и наредби руководеће власти. У једној од својих првих драма Платонов успева да прикаже катастрофално стање у друштву, које је духовно ослабљено услед последица грађанског рата и тежње за насилном променом људске свести, уједно указујући на начине који су довели до претварања једне утопистичке идеје у своју потпуну супротност.

Marija Kuvkalovic

Marija Kuvkalovic is a second year student of Ph.D. Studies at the Department of Slavonic Languages, Literatures and Cultures at the University of Belgrade. Her field of interest is focused on the Russian literature from the first half of the 20th Century, with special emphasis on the 20s and 30s and studying the influence of ideology on culture, art, and literature of that century.